

УДК 327

Роман ЛУНКИН**РЕЛИГИЯ И КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ**

Аннотация. В статье делается вывод, что апелляция к религии в политических дискуссиях помогает понять, как меняется отношение к традиции в современном европейском сознании. Связь упадка христианской демократии и христианства с кризисом европейской идентичности не так далека от истины, поскольку в европейском сознании (в немусульманской культуре) присутствуют ностальгия по религии и её пассионарной мотивации. Помимо этого, существует разочарование в либеральной системе политкорректности и ревизии моральных норм и устоев общества (стирание идентичностей), страх потерять свою идентичность и традицию, страх перед международным терроризмом и экстремизмом, подрывающими и местную культуру и иногда лишаящие жизни.

Ключевые слова: религиозность, веротерпимость, межрелигиозный диалог, государственно-церковные отношения, европейская идентичность.

В политической жизни современной Европы обращение к религиозным символам стало почти повсеместным. Политики и общественные деятели формально и неформально возвращают религию в общество, споря об исламе и христианстве, о необходимости защищать свою культуру и духовность. На практике апелляция правящих элит или «популистских» (называемых так условно и по сути несправедливо) партий «политической альтернативы», по выражению В.Я. Швейцера¹, к религии продолжает традицию восприятия веры как «частного дела» гражданина. О значении религии много говорят, но от неё самой часто ничего не ожидают, а многие и не хотят, чтобы она выступала как сильный социальный и политический игрок. Вместе с тем, апелляция к религии в политических дискуссиях помогает понять, как меняется отношение к традиции в современном европейском сознании².

С одной стороны, заявления многих правых популистов о приверженности христианству или попытке либеральных политиков сблизиться с религиозными деятелями вызваны отнюдь не реакцией на требования самих церквей. В странах Западной Европы христианство чаще всего рассматривается символически в качестве «замещающей религии» (по определению социолога Г. Дэви), не выходящей за рамки потребностей отдельного индивидуума, который делегирует некоторые религиозно-культурные функции церковным институтам. Либе-

---

© **Лункин Роман Николаевич** – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН, заместитель главного редактора журнала «Современная Европа». **Адрес:** Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** romanlunkin@gmail.com.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42018205211>

¹ Швейцер В.Я. Партии и движения политической альтернативы современной Европы. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, №3, 2018. С. 43-47.

² Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния. Современная Европа. №3, 2018. С. 102-114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018102114>.

ральные политики, заявляя о значении религии, не собираются разрешать стюардессам и медсестрам и т.п. носить религиозные символы, а в отношении ислама готовы принять строгие меры по недопущению этой религии в публичное пространство. С другой стороны, в странах Восточной Европы (в особенности, в Польше, Венгрии) и в России христианству и роли церкви в публичном пространстве придаётся больше значения, но и оно обладает таким же символическим смыслом, как и «замещающая религия», замещая собой патриотизм, национальную гордость за свою историю и культуру. Консервативные политики с большей охотой, чем либеральные, уделяют внимание таким элементам демонстративной политики как строительство и реставрация храмов, присутствие политиков на церковных праздниках, наличие «традиционной религии» в риторике, ограничение деятельности религиозных меньшинств ради виртуального блага исторической религии. Моральные вопросы или реальное развитие церковной жизни и миссии остаются за кадром такой политики (хотя одним из исключений в данном случае можно назвать Польшу). В данном случае политики приватизируют религию, политизируют её в либеральном или консервативном ключе, и она становится их «частным делом».

В такого рода утилитарном отношении политиков к церкви, что не раз встречалось в истории и ранее, можно увидеть неизгладимые следы секуляризации. Представление об упадке религиозности, особенно, в рамках исторических церквей мешает увидеть их значительную социальную роль. А сама по себе религиозная сфера не воспринимается как нечто целостное – она распадается на культуру, защиту свободы совести и незначительную часть активных епархий, общин и прихожан. Секуляризация отступает, когда вновь возникает потребность в религиозной легитимации реальности – политических идей, прежде всего, и успокоения общественного сознания. В итоге политики делают первые шаги к кристаллизации новых политических мировоззрений, основанных на переосмыслении роли религии в обществе и государстве.

Рождение новых интерпретаций связано с двумя тенденциями – отстранением церквей от прямого политического участия и резким повышением уровня их косвенного участия в гражданской и социальной активности. В отличие от столетия, предшествующего Второй мировой войне, мировоззрение христианских церквей изменилось, оно восприняло демократические ценности в самое сердце своего богословия и социальной работы. В 1980–90-е гг. церкви Западной Европы были деморализованы наступающей секуляризацией, борьбой или приспособлением к ней.

На Востоке, наоборот, церкви находились в эйфории постсоветского национально-культурного возрождения народов после насильственной советской секуляризации. Однако и те и другие двигались, как стало очевидно к 2010-м гг., одним и тем же путём, который один и мог принести новый христианский расцвет. Это путь, основанный на евангельской миссии, делах милосердия, общинной солидарности, гражданского активизма вне связи с государством, что и стало определять новые интересы церквей в начале XXI в.

Перед церквями встала сложная и противоречивая задача – преодолеть секуляризацию публичного пространства, но остаться в рамках демократических институтов и плюрализма, не связывать себя новой симфонией властей, но поддерживать в обществе традиционалист-

скую повестку дня как питательную почву для рождения околоцерковных общественных движений.

В политической жизни сложилось два идеологических подхода, так или иначе учитывающих религиозный фактор, которые условно можно назвать: либеральный традиционализм и религиозный традиционализм. Первый акцентирует внимание на плюрализме и либеральных ценностях, подчёркивающих политкорректность или, по крайней мере, соблюдение секулярности, то есть равенства всех мировоззрений перед лицом государства. В этом случае религия в рамках нового тренда приветствуется как выразительница либеральных гуманистических ценностей, иные варианты религиозных взглядов либо не считаются религиозными, либо объявляются почти или совсем экстремистскими.

Религиозный традиционализм основывается на непреходящей ценности религиозной и национальной самобытности, что выражается в поддержке национальной исторической церкви, в стремлении использовать обращение к традиции и вере ради своих политических целей, что, как правило, связывают с «популистскими» партиями. Поддержка «традиционной религии» часто связывается неприятием мультикультурализма, стремлением ограничить приток иммигрантов и распространение «чужих религий». Однако это не исключает приверженности демократическим ценностям в рамках религиозного традиционализма.

Политические тенденции по использованию религиозного фактора выявлены нами на примере роли христианства в европейском обществе. Однако тот же самый расклад может существовать и в исламе, где есть течения, которые провозглашают стремление изменить Европу, и есть те, которые интегрируют ислам в европейскую культуру и демократию. Мусульманская политическая жизнь является не менее богатой и разнообразной, несмотря на существующие стереотипы и страхи в восприятии ислама европейцами, что является отдельной темой для исследования.

Либеральный и религиозный традиционализмы амбивалентны, и в том и другом направлении могут быть ксенофобия и попрание демократических норм. Ни то ни другое не является чистым и нравственным примером обращения к вере, поэтому церкви, как правило, не ассоциируют себя прямо ни с одним из этих политических традиционализмов. В этой связи важно отметить, какие церковные институты деятельно участвуют в политической борьбе, заявляя о своей позиции. Прежде всего, это Католическая церковь, которая с конца XIX в. развивала шаг за шагом церковную концепцию демократии участия, наряду с признанием прав человека, осуждением тоталитаризма, отделения церкви от светской власти. Идеи миссии, милосердия, солидарности от Второго Ватиканского собора, папы Иоанна Павла II и до папы Франциска заложили основы новой политики солидарности, которая выступает с резкой критикой глобального экономического распределения, рынка, экономического и социального неравенства, мигрантофобии, национализма.

Православие в меньшей степени обеспокоено глобальными проблемами в силу своей децентрализации и исторической привязанности к своим национальным государствам. Но и Православные церкви России и Европы выступают одновременно и как носители национально-культурной самобытности, и как воплощение общинной солидарности и милосердия по отношению к иммигрантам.

Англиканская и Лютеранские церкви Европы являются в основном носителями либерального традиционализма, хотя и внутри данных конфессий есть разные партии. Политическая позиция представителей этих церквей несамостоятельна и в большой степени зависит от государства. Среди других значимых христианских конфессий Европы – евангельские протестантские церкви (баптисты, евангелисты, пятидесятники), которые выступают как библейские фундаменталисты, чрезвычайно консервативные в моральных вопросах, также как и православные и большинство католиков (в отличие от либерально толкующих Библию англикан и лютеран). Евангелисты всех мастей – это религиозные традиционалисты в политическом смысле, их общины широко распространены по всей Европе, но десятки деноминаций раздроблены и за исключением реакции на самые вопиющие нарушения библейской морали в Евросоюзе (одобрение эвтаназии или однополых браков) они аполитичны.

Из элемента и символа религия превратилась в фактор политической мобилизации общества. Христианская мотивация стала играть многогранную роль. Прежде всего, это касается легитимации европейского проекта через обращение к религиозной тематике политической элиты. С разных сторон происходит процесс переосмысления евроинтеграции и роли евробюрократии в сторону утверждения принципов христианской демократии – солидарности и субсидиарности.

Обращение к религиозной идентичности – это также как один из способов для стран Восточной Европы и России найти своё место в общеевропейском проекте – роль исторических церквей (православия и католицизма) в этом огромна. Не стоит забывать и о том, что в странах Западной Европы консервативные христианские движения и церковные деятели поднимают голову во имя спасения Европы, которая с 1990-х гг. стала стесняться своих христианских корней.

Появление христианского фактора в публичной политике и начавшаяся дискуссия между политиками и церквями стали возможными вследствие трансформации самих церквей. Христианская демократия фактически перестала существовать как мощное партийное движение (ХДС в Германии стала фактически внеконфессиональной партией), но её принципы (солидарности, субсидиарности, социальной справедливости) воплотились в церковной деятельности и мировоззрении практически всех конфессий, а не только католиков – главных выразителей её идей со времён папы Льва XIII. Взамен партийной христианской демократии пришла социальная мобилизация религии в условиях демократических процессов и упадка партийных систем.

В диалоге с элитами/правлящими партиями церкви не всегда, но всё чаще выступают в качестве значимой силы гражданского общества, а не как элемент политической системы и идеологии, хотя эта функция религии также сохраняется. Каждая из сторон нуждается в другой и ищет поддержки, но не находится в зависимости от неё.

После, по крайней мере, двух веков массивной секуляризации, отделения церкви от государственной власти в большинстве стран Европы (кроме Англии и Уэльса, где государственной церковью является Англиканская), вытеснения религиозных символов из публичной жизни, закрытия церквей во многих странах, христианство осталось ключевым элементом самоидентификации европейцев.

Большинство из них считают себя непрактикующими христианами, но это не просто декларация – в своих представлениях о Боге, о роли религии в обществе, они отличаются от людей без религиозной принадлежности. Стоит отметить также, что непрактикующими христианами в рамках опроса Pew Research Center считаются те, кто назвал себя христианином и посещает церковь не более нескольких раз в год¹. Среднее число практикующих христиан в странах Западной и Северной Европы составляет 18%, непрактикующих – 48%, без религиозной принадлежности – 24%, других религий – 5%. Во многих странах число практикующих верующих говорит о сохранении церковной семейной традиции посещения богослужений и в целом участия в какой-либо церковной активности (социальной работе, культурных акциях), которая также создается вокруг богослужений и после них. Это особенно ярко видно на фоне цифры в 6% практикующих православных в России, где церковные традиции и околоприходская деятельность были уничтожены в советский период. К примеру, в Австрии практикующих христиан – 28%, в Германии – 22%, в Ирландии – 34%, Италии – 40%, Португалии – 35%, Испании – 21%, Швейцарии – 27%. Абсолютное большинство опрошенных также отметило, что воспитывает своих детей как христиан. Для большинства европейских христиан идентичность стала социальным культурным маркером, который также много говорит о политических предпочтениях. Христиане более критично настроены по отношению к иммигрантам и мусульманам, но таких больше среди практикующих христиан. Непрактикующие приветствуют повышение роли религиозных институтов в обществе, но более либеральны (значительная часть одобряет аборт и однополые браки), чем практикующие более консервативные христиане. Более половины непрактикующих христиан (52%) отметили, что важно вырасти в немецкой, французской и т.д. семье, чтобы быть по-настоящему немцем, французом и т.д. Среди практикующих эту опцию поддержало 72%. Это не говорит автоматически о радикальном национализме так ответивших людей, а лишь подчеркивает их приверженность традиционализму в противовес глобализации и либерализму.

Помимо этого, одним из следствий роста уровня «защитной» идентичности (от возможных посягательств на традиции, семью, веру) стало также увеличение сторонников необходимости поддержки религиозных ценностей и убеждений со стороны государства. Даже среди людей без религиозной принадлежности среднее число поддержавших это устремление составляет 14%, а среди христиан более половины. По опросам Центра Пью в Западной Европе всё же тех, кто надеется на участие власти в сохранении религиозных ценностей меньше, чем в Восточной Европе. По вопросу положительной оценки социальной роли церкви в европейском обществе сложился определённый консенсус, так как все категории опрошенных (христиане и люди без принадлежности) в значительной степени приветствуют работу церковью и других религиозных организаций среди нуждающихся (без принадлежности – 48%, непрактикующие христиане – 62%, практикующие – 78%)².

¹ Western Europeans vary in their nationalist, anti-immigrant and anti-religious minority attitudes. By Jeff Diamant and Kelsey Jo Starr June 19, 2018. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/06/19/westerneuropeans-vary-in-their-nationalist-anti-immigrant-and-anti-religious-minority-attitudes/>

² Being Christian in Europe. For Release May 29, 2018. URL: <http://assets.pewresearch.org/wpcontent/uploads/sites/11/2018/05/14165352/Being-Christian-in-Western-Europe-FOR-WEB1.pdf>.

Церкви доказали своё право быть общественной силой, а не просто хранителями культуры. Такого рода общественным влиянием церкви обладали и в Средние века и в Новое время, тогда оно основывалось на религиозной картине мира, которую поддерживала власть. Теперь же в итоге эволюции в XX столетии христианство показало способность мобилизовать активных верующих без помощи и санкции государства. Произошло расширение общественной базы церквей: церковные структуры опираются на широкий слой неполитических социальных организаций. В демократическом обществе потребления именно такой активизм требуется, прежде всего, для ощущения своего влияния. Массовая религиозность в современном обществе расплывчата и совсем не склонна воплощать свои верования на практике.

Связь упадка христианской демократии и христианства с кризисом европейской идентичности не так далека от истины, поскольку в европейском сознании (в немусульманской культуре) присутствуют ностальгия по религии и её пассионарной мотивации, разочарование в либеральной системе политкорректности и ревизии моральных норм и устоев общества (стирание идентичностей), страх потерять свою идентичность и традицию, страх перед международным терроризмом и экстремизмом, подрывающими и местную культуру и иногда лишаящие жизни.

Список литературы

Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния. Современная Европа, №3, 2018. С. 102-114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018102114>.

Швейцер В.Я. Партии и движения политической альтернативы современной Европы. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, №3, 2018. С. 43-47.

Being Christian in Europe. For Release May 29, 2018. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2018/05/14165352/Being-Christian-in-Western-Europe-FOR-WEB1.pdf>.

Western Europeans vary in their nationalist, anti-immigrant and anti-religious minority attitudes. by Jeff Diamant and Kelsey Jo Starr June 19, 2018. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/06/19/westerneuropeans-vary-in-their-nationalist-anti-immigrant-and-anti-religious-minority-attitudes/>

References

Lunkin R.N., Filatov S.B. Mezhkonfessional'nye razlichiya v Evrope i novye ideologicheskie protivostoyaniya. Sovremennaya Evropa, №3, 2018. S. 102-114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018102114>.

Shvejtser V.Ya. Partii i dvizheniya politicheskoy al'ternativy sovremennoj Evropy. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN, №3, 2018. S. 43-47.

Being Christian in Europe. For Release May 29, 2018. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2018/05/14165352/Being-Christian-in-Western-Europe-FOR-WEB1.pdf>.

Western Europeans vary in their nationalist, anti-immigrant and anti-religious minority attitudes. by Jeff Diamant and Kelsey Jo Starr June 19, 2018. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/06/19/westerneuropeans-vary-in-their-nationalist-anti-immigrant-and-anti-religious-minority-attitudes/>

Religion and the Crisis of the European Identity: the political approaches

Author. Lunkin Roman. PhD (Philosophy), Leading Research Associate, Head of the Center for Religion and Society Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Deputy Editor-in-Chief of the Journal «Contemporary Europe», Expert of Kennan Institute. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** romanlunkin@gmail.com.

Abstract. The article analyzed the appeal to the religion in the political discussions that helps to understand how changes the attitudes to the tradition and identity in the modern European consciousness. The connection between the decline of the Christian democracy and the crisis of the European identity is not far from the truth as stated in the article. In the European culture and mass consciousness (that not connected with European muslim culture) really exists the nostalgia about the religion and its energetic motivation. Besides that, there is a strong disappointment in the liberal system of the political correctness and revision of the moral values and society norms (the erasure of the identity), the fear to loose the identity, the fear before the international terrorism and extremism, undermining the local culture.

Key words. Religiosity, tolerance, interreligious dialogue, Church-State relations, European identity.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42018205211>